

УДК 821.111-3.09(73)“19/20”Кувер

Н. И. Криницкая

**РЕКОНСТРУКЦИЯ МИФА В ТВОРЧЕСТВЕ РОБЕРТА КУВЕРА
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «МЁРТВАЯ КОРОЛЕВА» И ПОВЕСТИ «МАЧЕХА»)**

Роберт Кувер, выдающийся американский писатель, один из отцов металитературы, в рассказе «Мёртвая королева» (1973) и повести «Мачеха» (2004) играет с архетипическими ролями и ситуациями, акцентируя внимание на противоречии или метафоричности их деталей, частично переписывая миф или полностью его реконструируя. Произведения Кувера доказывают, что сказания, превратившиеся для многих поколений в своеобразные моральные уроки, на самом деле искажают богатый и непостижимый опыт человечества.

Ключевые слова: Роберт Кувер, американская литература, постмодернизм, металитература, миф, архетип, деконструкция, реконструкция.

Роберт Кувер (Robert Coover, род. в 1932 г.), выдающийся американский писатель-авангардист, один из отцов метапрозы и гиперлитературы, принадлежит к наиболее известным в США современным авторам. На Западе творчество Кувера исследовалось Стивеном Бенсоном, Брайаном Эвенсоном, Луисом Гордоном, Шунь Реди, Кристи Вильямс и др. [5; 8; 9; 10; 11]. В России роман писателя «Публичное сожжение» изучался Александром Лаврентьевым [4]. К сожалению, на территории бывшего СССР, по нашим данным, Роберт Кувер остаётся автором малоисследованным, в основном в связи с отсутствием переводов большинства его произведений на языки народов постсоветского пространства. На украинский язык рассказы Кувера переводились автором данной статьи [2] и Максимом Нестелевым [3].

В этой статье мы попробуем рассмотреть постмодернистскую переоценку сказочного метанарратива на примере двух произведений писателя – рассказа «Мёртвая королева» («The Dead Queen», 1973) и повести «Мачеха» («Stepmother», 2004).

Рассказ «Мёртвая королева» написан ещё в 1973 г., став зерном для последующих работ Кувера, деконструирующих архетипы Красавицы, Мачехи и Принца, в том числе и повести «Мачеха». Этот удивительный по силе и психологической глубине рассказ – очередная в американской литературе XX в. интерпретация истории о Белоснежке, но у Кувера, при сохранении деталей сюжета сказки братьев Гримм, акценты смещены с образа черноволосой красавицы на образ её мачехи. Принц, от имени которого ведётся повествование, проникается сочувствием к несчастной покойной королеве, которую всю жизнь обуревали страсти, за что она так жестоко была наказана – в финале сказки братьев Гримм мачеха танцует на балу на потеху толпе в раскалённых железных башмаках, пока не умирает от боли.

Этот фольклорный фрагмент позволяет Куверу противопоставить жестокое равнодушие прекрасной Белоснежки, которой неведомо прощение и милость к падшим, попыткам королевы уберечь мир от этого монстра с чёрными локонами и душой – живучего и извращённого. Как и Дональд Бартельм, Роберт Кувер изображает патологичность Белоснежки (то есть идеала, противопоставленного живому человеку), ведущую к гибели принца у первого автора и к разбитой душе героя у второго. Нотки многих возможных научных трактовок мифа о Белоснежке: от мачехи как «Тени» героини (Карл Густав Юнг) до идентификации жертвы с её искусительницей (Фридель

Ленц) – слышны в нарративе Кувера. Принц в его рассказе, видящий в волшебном зеркале покойную королеву вместо возлюбленной, постепенно осознаёт, что его невеста лишена сердца (в сказке Гримм мачеха просила охотника принести сердце принцессы как доказательство гибели падчерицы). Или даже, что падчерица и мачеха – два лика женской судьбы, каждый из которых лишён полноты: красота и бессердечие юности против мудрости и жажды любви старости. В финале рассказа принц, вызывая омерзение и негодование присутствующих, целует мёртвую королеву, лежащую в том самом хрустальном гробу, где он увидел заколдованную Белоснежку. Чуда воскрешения не происходит, да и сам герой не слишком в него верит. Осознавая высокую цену, заплаченную женщиной ради стремления к идеалу, он отдаёт дань той, которая любила и страдала [6, с. 51–63].

В повести Роберта Кувера «Мачеха» предлагается переосмысление данного архетипа с позиций феминизма. Автор изображает безымянную страдающую женщину, которая пытается спасти жизнь падчерицы, обвинённой в неизвестном читателю преступлении, которого, возможно, не совершала. Мачеха организывает побег приёмной дочери из тюрьмы, они обе скрываются в лесу. После поимки героинь падчерицу казнят, несмотря на отчаянные попытки Мачехи спасти девушку. Основным врагом Мачехи является Жнец (Reaper) – воплощение мужского мира, насилия и смерти: в английской фольклорной традиции Смерть мужского пола и носит имя Мрачного Жнеца (The Grim Reaper) или просто Жнеца. Теперь Мачеха действительно соответствует своему зловещему образу, превращаясь в фурию, мстящую обществу и прежде всего мужчинам за смерть падчерицы, которую считает дочерью.

Оказывается, этот страшный сюжет повторяется с каждой из её дочерей: *«Сколько я видела их, идущих по этому пути, дочерей, падчериц, кого угодно, – некоторые просто набредали на мою дверь, я никогда не знала точно, кто они и откуда они пришли, – но я знаю, куда они идут: чтобы быть утопленными, повешенными, забитыми камнями, обезглавленными, сожжёнными на костре, посаженными на кол, разорванными на части, застреленными, зарубленными мечом, сваренными в масле, протянутыми по улице в бочках, утыканных изнутри гвоздями, или заколоченными в продырявленные бочки и сброшенными в реку. Их появление всегда вызывает у меня тошноту, а от глубокого самодовольного смеха их палачей моя жёлчь накапливается, и какое-то время спустя я развязываю адскую бурю, или, по крайней мере, ту бурю, поднять которую в моих скудных силах, и так появляются мои прекрасные необузданные дочери, это своего рода насильственный траур, и поэтому они приходят к нам снова, и всё больше дочерей попадают в ловушку, которую Жнец называет благородными сетями справедливости, и таким образом мы поддерживаем цикл, который катится сквозь это вневременное время, как те самые бочки, утыканные изнутри гвоздями»* [7, с. 1–2] (здесь и далее перевод наш. – Н.К.).

В произведении Кувера, с болью повествуящем о жестокости к женщине на протяжении веков, Мачеха изображена как неизбежное зло, порождённое патриархальным обществом. Эта героиня, воплощение женской силы и ненависти, противостоит в экзистенциальном вечном поединке смерти: ей не дано спасти своих дочерей, но она способна хотя бы отсрочить приговор и не дать злу победить окончательно. Лишь женщина-фурия, по Куверу, способна быть защитницей женщины-жертвы, именно потому против Мачехи и направлена патриархальная традиция, изображающая её в негативном свете. Рассказ от первого лица (в четырёх из четырнадцати глав произведения, включая первую и последнюю, повествование ведётся от имени Мачехи) приближает героиню к читателю. Данная техника, по наблюдениям Кристи Вильямс, присуща Куверу во многих произведениях,

созданных по мотивам фольклора: переход от безликого экстрадиетического повествования к множественности субъективных точек зрения на события позволяет переосмыслить статичные, детерминированные роли-маски сказочных персонажей, которые сами герои отчаянно пытаются сбросить [11, с. 258]. *«Моя бедная, доведённая до отчаяния дочь, её голова занята одной мыслью: как избежать своей неизбежной судьбы»* [7, с. 1], – делится Мачеха своими переживаниями с читателем.

Таким образом, основным материалом для куверовской деконструкции в рассказе «Мёртвая королева» и повести «Мачеха» становятся архетипические сюжеты, в которых образ неродной матери негативен. Отталкиваясь от противоречивости мифа, Кувер реконструирует или полностью переписывает его: уже в рассказе «Мёртвая королева» страстная, ревнивая мачеха, несущая смерть и умирающая сама, предстаёт одной из неотъемлемых ипостасей архетипа Матери, символизируя тёмное женское начало, а в повести «Мачеха» писатель идёт дальше в своей реконструкции мифа и, словно пытаясь компенсировать многовековую несправедливость, показывает, что негатив его героини порождён жестокостью мужского мира. Сибилл Биркхойзер-Оэри пишет: «Согласно официальным взглядам христианской церкви, природа и тело значат гораздо меньше духовности, поэтому феминная часть божества оказалась в тени. Возможно, именно по этой причине в европейских сказках тёмная сторона Земной Матери представлена в значительно большей степени, чем светлая. Это своего рода компенсация исключения христианством из образа Бога темной стороны феминности, а по существу, – сил зла. Такое исключение тёмной стороны феминности не принесло человечеству никакой пользы, в особенности женщинам. Ибо женщина может стать целостной личностью, только обладая феминным образом целостности или имея идеал, богиню, в которой воплощается не только светлая сторона жизни. Такой образ служит ей защитой от односторонней идеализации феминности и материнства» [1].

Обращение писателя к сказаниям, превратившимся для многих поколений в моральные уроки, доказывает, что данные образцы и стереотипы на самом деле упрощают и искажают богатейшую природу опыта человечества. Метапроза Роберта Кувера, созданная за полвека плодотворной писательской работы, ждёт своих исследователей, которые уделят внимание переосмыслению других фольклорных сюжетов, классической литературы, массовой культуры и национальной мифологии США в его произведениях, а также конвергенции жанров в творчестве этого уникального автора.

Список использованной литературы

1. Биркхойзер-Оэри С. Мать. Архетипический образ в волшебной сказке [Электронный ресурс] / С. Биркхойзер-Оэри. – Москва : Когито-Центр, 2006. – 256 с. – Режим доступа : <http://booksonline.com.ua/view.php?book=165802&page=5> ; Birkkhoyzer-Oeri S. Mat. Arkhetipicheskiy obraz v volshebnoy skazke [Elektronnyy resurs] / S. Birkkhoyzer-Oeri. – Moskva : Kogito-Tsentr, 2006. – 256 s. – Rezhim dostupa : <http://booksonline.com.ua/view.php?book=165802&page=5>
2. Криницька Н. Постмодерний казковий світ Роберта Кувера / Н. Криницька // Кур'єр Кривбасу. – 2014. – № 296–297–298. – С. 90–94 ; Krynytska N. Postmodernyi kazkovyi svit Roberta Kuvera / N. Krynytska // Kurier Kryvbasu. – 2014. – № 296–297–298. – S. 90–94.
3. Кувер Р. Пісеньки та наспіви: небилиці / Р. Кувер ; пер. з англ. М. Нестелєєв. – Київ : Темпора, 2017. – 344 с. ; Kuver R. Pisenky ta naspivy : nebylytsi / R. Kuver ; per. z anhl. M. Nestelieiev. – Kyiv : Tempora, 2017. – 344 с.

4. Лаврентьев А. И. Эстетика «холодной войны» в американском романе XX века : звёздно-полосатый трагифарс Роберта Кувера «Публичное сожжение» / А. И. Лаврентьев // Вестник Удмурдского университета. Серия «История и филология». – 2008. – Вып. 3. – С. 101–108 ; Lavrentev A. I. Estetika «kholodnoy voyny» v amerikanskom romane XX veka : zvezdno-polosatyy tragifars Roberta Kuvera «Publichnoe sozhzhenie» / A. I. Lavrentev // Vestnik Udmurdsogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». – 2008. – Vyp. 3. – S. 101–108.

5. Benson S. The Late Fairy Tales of Robert Coover // Benson S. Contemporary Fiction and the Fairy Tale / S. Benson. – Detroit : Wayne State University Press, 2008. – P. 120–143.

6. Coover R. A Child Again / R. Coover. – San Francisco : McSweeney's, 2005. – 276 p.

7. Coover R. Stepmother / R. Coover. – San Francisco : McSweeney's, 2004. – 96 p.

8. Evenson B. Understanding Robert Coover / B. Evenson. – Columbia : University of South Carolina Press, 2003. – 192 p.

9. Gordon L. Robert Coover : The Universal Fictionmaking Process / L. Gordon. – Carbondale : Southern Illinois University Press, 1983. – 186 p.

10. Redies S. Return with New Complexities : Robert Coover's Briar Rose / S. Redies // *Marvels & Tales*. – 2004. – Vol. 18, Issue 1. – P. 9–27.

11. Williams Ch. Who's Wicked Now? The Stepmother as Fairy-tale Heroine / Ch. Williams // *Marvels & Tales*. – 2010. – Vol. 24, Issue 2. – P. 255–271.

Стаття надійшла до редакції 31.10.2018.

N. Krynytska

**RECONSTRUCTING THE MYTH IN ROBERT COOVER'S WORKS
(BASED ON HIS SHORT STORY «THE DEAD QUEEN»
AND NOVELLA «STEPMOTHER»)**

Robert Coover (b. 1932) is a prominent contemporary American postmodernist writer, one of the fathers of metafiction and hyper-literature. In the West his works were researched by Brian Evenson, Lois Gordon, Sünje Redies, Christy Williams, Stephen Benson, etc. In Russia Coover's novel «Public Burning» was studied by Alexander Lavrentiev. Unfortunately, Robert Coover is still a little known author in the post-Soviet space, mainly because the majority of his works have not been translated into the local languages.

This article is an attempt to consider the postmodernist revision of the fairy-tale metanarrative at the core of two Coover's works: his short story «The Dead Queen» (1973) and novella «Stepmother» (2004).

«The Dead Queen» became the basis for the other Coover's works, which deconstructed the archetypes of Beauty, Stepmother and Prince, including the novella «Stepmother». This impressive and psychologically deep story is one more interpretation of the fairy tale about Snow White, but Coover, while keeping the plot details of the fairy tale by the Brothers Grimm, shifted the emphasis from the black-haired beauty to her stepmother. The Prince, the narrator, sympathizes with the unfortunate dead queen, who was overwhelmed by the passion during her life and was punished for it so severely: in the final of the Brothers Grimm fairy tale the stepmother had been dancing at the ball to the delight of the crowd in a red-hot iron shoes until she died of pain. This piece of folklore allows Coover to oppose the cruel indifference of the beautiful Snow White, who has no forgiveness and mercy for the fallen, and the Queen's attempts to save the world from this survivable and perverted monster with black curls and soul. Like Donald Barthelme, Robert Coover portrays the cold pathology of Snow White leading to the death of the Prince in the book by his colleague and to the broken hero's soul in his work. Many possible interpretations of the myth about Snow

White varied from Stepmother as a «Shadow» of the heroine (Carl Jung) to the identification of the victim with her temptress (Friedel Lenz) can be seen in Coover's narrative. The Prince in his story, seeing the Queen (Stepmother) in a magic mirror instead of his beloved Snow White, gradually realizes that his bride has no heart (in the Grimms' fairy tale the stepmother asked the hunter to bring the heart of the princess as a proof of her stepdaughter's death). Or even more: the Prince guesses that the Stepdaughter and Stepmother are two sides of the woman's fate where every heroine lacks completeness because the youth is beautiful and cruel while the old age is wise and thirsty for love.

In the novella «Stepmother» Coover unmakes the eponymous archetype from the point of feminism. The author portrays a nameless suffering woman who is trying to save the life of her innocent stepdaughter that has been found guilty of the crime against the court of Reaper's Woods. The Stepmother arranges her stepdaughter's escape from prison, and the two of them are hiding in the woods. When the women are captured, the stepdaughter is executed, despite the Stepmother's desperate attempts to save her. The Stepmother's main enemy is the Reaper who embodies the man's world, violence and death (in the English tradition the Death is male and is called the Grim Reaper or just the Reaper). Now the Stepmother really lives up to her wicked stereotype, becoming a fury and revenging the society, and above all men, for the death of her stepdaughter, whom she calls her daughter. It turns out that this terrible story is repeated with each of her daughters. In this work Coover tells us with pain about the cruelty towards women throughout the ages, and the Stepmother is depicted as a necessary evil generated by the patriarchal society. This character, the embodiment of female power and hatred, is opposed to the death in their eternal existential fight: the Stepmother cannot save her daughter, but she can at least delay the sentence and not let the evil win eventually. According to Coover, only female fury can be a defender of female victims, and that is why the patriarchal tradition is directed against the Stepmother and shows her in a negative light. The story is narrated in the first person (the Stepmother narrates four out of fourteen sections including the first and last sections); this technique encourages the reader's identification with her.

Thus, the archetypical plots in which the image of the stepmother is negative is the main basis for Coover's deconstruction in his story «The Dead Queen» and novella «Stepmother». Starting with the inconsistency of the myth, Coover reconstructs or completely rewrites it: in the story «The Dead Queen» a passionate, jealous stepmother, carrying death and dying herself, appears as one of the integral aspects of the Mother's archetype, symbolizing dark feminine principle, and in the novella «Stepmother» the writer goes further in his reconstruction of the myth and, as if trying to compensate for the centuries-old injustice, shows that the negative behavior of his heroine is caused by the cruelty of the male world. Coover's works prove that the tales that have become exemplary moral lessons for many generations, in fact distort the rich and incomprehensible nature of human experience.

Key words: Robert Coover, American literature, postmodernism, metafiction, myth, archetype, deconstruction, reconstruction.

Н. І. Криницька

**РЕКОНСТРУКЦІЯ МІФУ У ТВОРЧОСТІ РОБЕРТА КУВЕРА
(НА ПРИКЛАДІ ОПОВІДАННЯ «МЕРТВА КОРОЛЕВА»
ТА ПОВІСТІ «МАЧУХА»)**

Роберт Кувер (нар. 1932 р.) – видатний американський письменник-постмодерніст, один з батьків метапрози й гіперлітератури. На Заході творчість Кувера досліджувалася Стівеном Бенсоном, Крісті Вільямс, Луїсом Гордоном, Брайаном Евенсоном, Шунь Реді та ін. У Росії роман письменника «Публічне спалення»

вивчався Олександром Лаврентьєвим. На жаль, на території колишнього СРСР Роберт Кувер залишається автором малодослідженим, в основному у зв'язку з відсутністю перекладів більшості його творів мовами народів пострадянського простору.

Ця стаття є спробою розгляду постмодерністського переосмислення казкового метанарративу на прикладі двох творів Кувера: оповідання «Мертва королева» (1973) та повісті «Мачуха» (2004).

«Мертва королева» стала основою для інших творів Кувера, які деконструюють архетипи Красуні, Мачухи та Принца, у тому числі для повісті «Мачуха». Це вражає та психологічно глибоке оповідання є ще однією інтерпретацією казки про Білосніжку, але Кувер, зберігаючи деталі сюжету братів Грімм, переносить акценти з чорнявої красуні на її мачуху. Принц, розповідач, співчуває нещасній мертвій королеві, котра жила під впливом пристрасей і була жорстоко покарана за це: у фіналі казки братів Грімм мачуха змушена танцювати на балу на втіху натовпу в розпечених до червоного залізних черевиках, поки не помирає від болю. Цей фольклорний фрагмент дозволяє Куверу протиставити жорстокій байдужості Білосніжки, яка не має прощення та милосердя, спробу королеви зберегти світ від цього живучого та збоченого монстра з чорними локонами та душею. Принц, бачачи королеву в магічному дзеркалі замість своєї улюбленої Білосніжки, поступово усвідомлює, що його наречена не має серця (у казці Грімм мачуха попросила мисливця принести серце принцеси як доказ смерті її падчерки). Більше того: Принц здогадується, що Білосніжка та мачуха – це дві сторони жіночої долі, де кожній героїні бракує повноти, бо молодість – красива й жорстока, а старість – мудра й спрагла до любові.

У повісті «Мачуха» Кувер переглядає однойменний архетип з точки зору фемінізму. Автор зображує безіменну багатостраждальну жінку, яка намагається врятувати життя невинної падчерки, котра була визнана винною у злочині, якого, можливо, не вчиняла. Мачуха організовує втечу прийомної доньки з в'язниці, вони обидві ховаються в лісі. Після захоплення героїнь падчерку страчують, незважаючи на відчайдушні спроби Мачухи врятувати дівчину. Основним ворогом Мачухи є Жнець (Reaper) – утілення чоловічого світу, насильства та смерті: в англійській фольклорній традиції Смерть чоловічої статі й носить ім'я Похмурого Женця або просто Женця. Тепер Мачуха дійсно відповідає своєму зловісному образу й перетворюється на фурію, що мстить суспільству й перш за все чоловікам за смерть падчерки, яку вважає дочкою. Виявляється, ця страшна історія повторюється з кожною з її дочок. У цьому творі Кувер з боєм розповідає про жорстокості щодо жінок протягом усієї історії, і Мачуха зображується як необхідне зло, породжене патріархальним суспільством.

Таким чином, основним матеріалом для деконструкції Кувера в оповіданні «Мертва королева» й повісті «Мачуха» стають архетипічні сюжети, в яких образ нерідної матері негативний. Відштовхуючись від суперечливості міфу, Кувер реконструює або повністю переписує його: вже в оповіданні «Мертва королева» пристрасна, ревнива мачуха, що несе смерть і вмирає сама, постає однією з невід'ємних іпостасей архетипу Матері, символізуючи темне жіноче начало, а в повісті «Мачуха» письменник іде далі в своїй реконструкції міфу й, немов намагаючись компенсувати багатовікову несправедливість, показує, що негатив його героїні породжений жорстокістю чоловічого світу. Твори Кувера доводять, що сказання, які перетворилися для багатьох поколінь на своєрідні зразкові моральні уроки, насправді викривляють багату та незбагненну природу досвіду людства.

Ключові слова: Роберт Кувер, американська література, постмодернізм, металітература, міф, архетип, деконструкція, реконструкція.